

ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ в христианстве

Сомников Александр Иванович

Аннотация. Рассмотрено противоречие в мировоззрении христианства

Любовь и ненависть это сильные чувства противоположного знака, обуревающие сознание человека и неподконтрольные разуму. Любовь сладостно возвышает, а ненависть угнетает. Обе они жаждут удовлетворения.

Начнем с ненависти, которая так или иначе известна всем.

Ненависть

Ненависть это мучительная жажда, особенно у любящего, которому пытаются помешать. Ее может утолить только уничтожение источника этой помехи. То есть убийство. И если его не удастся убить, то остается убить только себя. Такова сила ненависти, как и любви.

Ограничимся всего одной иллюстрацией ненависти, которую каждый может самостоятельно сколь угодно расширить Рис. 1.

Рис. 1. Сладостный миг убийства («Голос Омерики & Чача — Теория заговора»)

Жажда любви

Не менее интересна тема любви, с которой каждый по жизни тоже сталкивается. Предмет мечтаний многих, хотя доступный не всем Рис. 2.

Рис. 2. – Все мы жаждем любви – это наша святыня («Прекрасная Елена»)

Рис. 3. – Любовь, прекрасная царица, это великая тайна, сокрытая в узорном поясе богини Афродиты

Она подобна вулканическому извержению, неподконтрольному разуму («Рукопись, найденная в Сарагосе») Рис. 4.

Рис. 4. – Я приехал сюда уже влюбленный до потери сознания, хотя мне не было еще известно, в кого именно я влюблен

В отличие от ненависти любовь непостоянна и может после удовлетворения угасать. И вспыхивать вновь уже в другом направлении. Виды любви могут быть разными, соответственно их предметам.

Любовь или ненависть?

Здесь позиция христианства **крайне противоречива**. С одной стороны, оно объявляет себя религией *любви*. В подтверждение чего приводятся слова Христа

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего.

А я вам говорю: любите врагов ваших.

Что можно понять как невиданное *расширение* любви до уровня, включающего не только ближних (что было *общеизвестно* и до Христа и в чем нет ничего нового), но и врагов (это уже реальная новизна). С возможностью полного устранения на Земле *ненависти* и оставления на ней одной только *любви*. Коль скоро любить следует даже врагов. То есть получается просто *всех*.

Эта позиция активно пропагандируется *на словах*. Но ей вдруг дается такое неожиданное пояснение.

Враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня (Мф. 10:34-37).

Здесь еще любовь к внезапно обнаруженным *врагам* в лице своих близких все же не отрицается. Просто обозначены два вида любви — к близким (то есть — *врагам*) и к нему самому. Первая должна быть меньше второй. Невыполнение этого требования оценивается как недостойное.

Но дальше обнаруживается возможность также и ненависти. Спрашивается — к кому? — К этим же самым близким «врагам» — отцу и матери, жене и детям, братьям и сестрам.

Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником (Лк. 14:25-27).

Теперь уже любовь к близким прямо отрицается и признается только одна любовь — к нему самому и ни к кому более. Но даже и этого уже недостаточно. Простое отсутствие любви должно быть заменено его противоположностью — *ненавистью*.

Тут уже расширенное до всемирности *требование любви* внезапно сменяется предельным ее сужением направленным лишь на него одного. С требованием ненависти к другим. И, прежде всего, к своим близким.

Резко меняющая смысл этого высказывания. Так как она может означать, что *недостойные* все-таки *могут любить* и только избранные обязаны *ненавидеть* своих близких/врагов.

На это чудовищное противоречие стараются не обращать внимание.

Возможно, такое противоречивое требование — любить/ненавидеть относится не ко всем, а только лишь к избранным, ближайшим сподвижникам и ученикам, достойнейшим из достойных. Каждый из которых должен уже безусловно ненавидеть своих близких.

Как можно одновременно любить и ненавидеть своих врагов, пусть даже и близких? — Это противоречие *неразрешимо*, хотя и уменьшено до круга близких учеников. Среди которых вроде бы были даже два брата, обязанные ненавидеть друг друга. Впрочем, возможно, замена слова МЕНЯ словами БЫТЬ МОИМ УЧЕНИКОМ это всего лишь попытка редактирования самой этой фразы, снижающая до минимума объем такого противоречия, хотя и не устраняющая его полностью.

Любовь в известное время проявляется повсеместно Рис.5.

Рис. 5. – Я тебя не знаю, но уже люблю. Приходи, милый («Жил министр обороны»)

Это невесты, которых по требованию Христа еще только предстоит возненавидеть.

Любовь или ненависть?

Выходит, что ненавидеть не только можно, но даже **нужно**, притом не кого-нибудь, а именно *близких*. Такую рекомендацию выполнить очень *легко*, а избежать, к сожалению, *трудно*. Что и подтверждается всей мировой литературой. Мы в этом смысле почти все являемся природными христианами. Хотя и в неодинаковой степени. Мне, например, трудно себе представить ненависть к своим близким, хотя и любовью не слишком избалован. Зато дружеская симпатия лично мне представима легко. Кроме этого любовь непостоянна, в отличие от ненависти. Сегодня она есть, а завтра уже ушла. Тогда ее называют всего лишь страстью, хотя и неотличимой от любви.

Итак, до него следовало *любить близких и ненавидеть врагов*, теперь же нужно наоборот – *любить врагов и ненавидеть близких*.

Вот это уже действительно полный переворот, а вовсе не всемирное расширение любви. Любовь и ненависть при этом полностью сохраняются, но их объекты просто меняются местами. Можно, конечно, предположить, что эта *невиданная* рекомендация дана просто в пылу полемической запальчивости.

Но все объясняется еще проще. Когда именно сказаны те и другие слова? – Ответ такой – «а я вам говорю: *любите врагов ваших*» – после *преображения*, когда его душа еще была переполнена чувством *любви* ко всему сущему на Земле и просто не в состоянии кого-либо ненавидеть, даже своих врагов.

А в прочее время сам он прекрасно знает и ощущает ненависть – свою и чужую. Неустрашимую вообще. Чем и разрешается это «непримиримое» противоречие.

Максимум, что может быть здесь предложено – от ненависти по возможности удаляться (идея ухода в пустынь). А если понадобится, активно сопротивляться, отвечая злом на зло, что и происходит во время войн. Или от борьбы отказаться,

согласившись на принуждение к рабству. Утешив себя иллюзией свободы «в духе» (то есть в каких-нибудь своих *мыслях*) Рис. 6.

Рис. 6. Достигнутая свобода «в духе»

Здесь на переднем плане показаны местные женщины, имеющие, разумеется, и детей, которых героиня тоже пыталась убить на морозе, поджигая дома, показанные на заднем плане. Откуда их теперь повыгоняли враги. А после расстреляют «за измену», то есть попытку *выжить*, вернувшиеся назад *наши*.

Другой пример подобной «победы», представлен самим Христом Рис. 7.

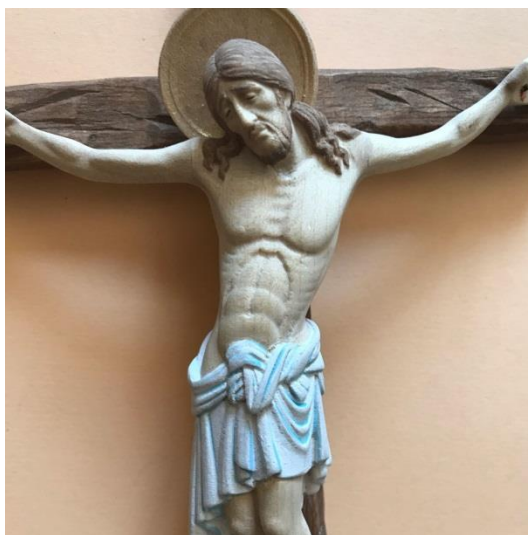

Рис. 7. Другой пример «победы» в духе.

Нелюбовь, к сожалению, распространена широко, любовь же в реальности мимолетна, что тоже требует пояснений. Прежде всего.

Любовь по принуждению невозможна

Любовь это *чувство*, к которому невозможно принудить. Оно может быть или не быть. *Не обладающий этим чувством* в его отсутствии *не виновен*, то есть в религиозной терминологии в этом БЕЗГРЕШЕН, чему свидетельство – бесконечность примеров *безответной* любви.

Но что еще более затруднительно и даже невыполнимо, в отличие от *страха*, – требование любви к БОГУ. О котором прямо ведь говорится – *Бога не видел никто никогда*. Здесь возникает такой вопрос – как можно любить то, чего никогда не видел? С таким же успехом можно «любить», например, время и массу, о которых тоже имеется смутное представление.

Поэтому в христианстве следовало бы заменить слово *любовь* словом *милосердие* или *человечность*. Чтобы избежать заведомо невыполнимого *требования* любви. Иначе ведь получается – говорят о *любви*, при этом зыря по сторонам глазами *ненависти*. Что и является прямой *ложью*. Любить следует все-таки близких (пусть даже и названных «врагами»).

А для всех прочих без различия можно предложить только лишь МИЛОСЕРДИЕ, то есть человеческое отношение. И прежде всего к взыскующим МИЛОСТИ в виде материальной МИЛОСТЫНИ.

Любовь ко всем без разбора может привести к заполнению храмов одними лишь побирушками, требующими проявлений любви в форме их материальной поддержки. С вытеснением или изгнанием прихожан, взыскующих *духа свята* в своих личных молениях или молитвах. Чтобы этого не случилось и церковь не оскудела из-за отсутствия прихожан, придумано строго соблюдаемое разделение ищущих *духа свята* и просто материальной поддержки.

Последним *запрещено* находится внутри храма. Но чтобы не подвергать сомнению мысль о заявленной всеобщей любви, им отведено особое место *вне стен самого храма*. На так называемой ПАПЕРТИ. Куда их и ПОМЕЩАЮТ или, вернее, ПЕРЕМЕЩАЮТ.

Мимо которых вынуждены проходить прихожане, испытывая неловкость и неприятные чувства при виде подобных нищенствующих. Вместо возвышенных чувств – невыносимого зрелища грязных калек и назойливых попрошайек.

Конструктивно ПАПЕРТЬ представляет собой выступающая наружу лестницу, по которой входящие прихожане поднимаются вверх, а выходящие спускаются вниз.

ПАПЕРТЬ

*Притвор храма церк. предхрамие, передняя, **паперть**. Изыдите в притвор, оглашенные! | церк*

ПАПЕРТЬ ж. (па-перед?) притвор перед церковью, крыльцо, площадка перед входом. Кликуши на паперти стоят, а в церкви они начинают кликать.

*Папертный навес, Папертники, -ницы, **нищие**, кои толнятся на паперти, заступая вход в церковь.*

Смысл слова ПАПЕРТЬ

ПАПЕРТЬ это пристроенная снаружи храма вплотную примыкающая к его входной двери лестница, по которой прихожане храма поднимаются на некоторую высоту, символизирующую *возвышение в духе*, при входе в храм и спускаются по ней же при выходе из него. Символически выходя из более возвышенной области самого храма в наш нижний, «грешный», обычный мир.

Положение паперти на плане храма показано на Рис. 8.

Рис.8. ПАПЕРТЬ расположена снаружи у входа в храм.

Туда-то и допускаются нищие попрошайки, в подтверждение слов Христа о необходимости всеобщей любви Рис. 9.

Рис. 9. Нищий на ПАПЕРТИ

А чтобы мысль о всеобщем равенстве в части любви не искушалась из-за капризов погоды, могущей быть сырой и ветреной или морозной, она должна иметь крытый навес и в этом случае может называться просто крыльцом, то есть КРЫТЫМ. В зависимости от доходов храма, выражаемых в пожертвованиях, такой навес может быть бóльшим и меньшим и даже почти символическим Рис. 10.

Рис. 10. ПАПЕРТЬ или КРЫЛЬЦО, имеющее перед входной дверью НАВЕС или КРЫШУ.

Его назначение – прикрытие нищих на ПАПЕРТИ от атмосферных осадков.

Происхождение слова паперть

Па́перть. Это слово заимствовано из старославянского языка, где было образовано приставочным методом (приставка па) от **исчезнувшего** существительного **перть**, **имевшего значение** «вход» (к этой же основе восходит латинское *porta* — «ворота»).

Происхождение слова *паперть* в *этимологическом словаре Крылова Г. А.*

Комментарий. Исчезнувшего, то есть несуществующего или же несуществовавшего? Имевшего значение это всего лишь толкование, а не этимология.

па́перть ж., блр. *па́перць*, др.-русск. *папѣрть* «преддверие: церковный притвор, паперть» (Устав XII в., Устюжск. кормч. и др.; см. Срезн. II, 878), ст.-слав. *папръть* *várθηξ*, «vestibulum» (Сунр.), болг. *папрът*. Из *ра-* + **ръть*, т. е. «передняя»; см. Фасмер, Гр.-сл. эт. 142; RS 5, 120; Буга у Преобр. II, 14 и сл.; Маценауэр, LF 12, 189; Mi. EW 231; Ильинский, РФВ 70, 265; Желтов, ФЗ, 1876, вып. 4, стр. 52 и сл.; Перссон 474 и сл. Нередко сближают далее с *перѣть*, пру. Неприемлемо произведение из греч. *παράπορτιον* (Христ. Чтение, 1891, вып. 4, стр. 148 и сл.) или из **παραπετάζω* *παραπετάννυμι* «свешиваюсь спереди» (Христ. Чтение, 1891, вып. 1, стр. 202 и сл.; AfsIPh 16, 560); см. Павлов, ЖМНП, 1890, окт., стр. 11; AfsIPh, там же. Неприемлемо также объяснение из *ра-* + лат. *porta*, вопреки Мурко (WiS 2, 128). Ср. *при́пер(е)ток* «предбанник» и *перть*.

Происхождение слова *паперть* в *этимологическом словаре Фасмера М.*

Па́перть. Заимств. из ст.-сл. яз., в котором оно является преф. производным от **утраченного** **пърть** «дверь» (ср. того же корня лат. *porta* «дверь, ворота»), суф. производного от *пърти* (>*переть*, ср. *запереть*, *отпереть*, *взаперти*). Паперть буквально — «преддверие, притвор».

Происхождение слова *паперть* в *этимологическом словаре Шанского Н. М.*

Предлагаемая этимология

ПА́ПЕРТЬ это сокращение ПА+ПЕРЁТЬ (в нормированной записи — ПОПЕРЁТЬ). В значении УДАЛИТЬ или ВЫПЕРЕТЬ (выгнать вон).

Это преддверие храма в виде пристройки, *выдвинутой* или выступающей ПЕРЕД его входной дверью Рис. 11.

Рис. 11. Молодожены на паперти

ПАПЕРТЬ это место для проявления любви *всеобщей*, а храм — *индивидуальной*, направленной непосредственно к богу. В надежде на его благосклонность.